

Чем дольше Тодл гладил ребенка по волосам, тем громче становились рыдания.

Под окровавленной рукой девочка со светло-каштановыми волосами уже вовсю плакала. Другие дети делали то же самое.

Они съеживались, стараясь не встречаться ни с кем взглядом, и опускали головы, обуреваемые чувством вины. Имя схваченной девочки выяснилось довольно быстро.

— ...Дебра? Почему... что происходит?

Это Ад, наблюдавший за происходящим, пораженно воскликнул, узнав девочку.

Его обычно насмешливые глаза были широко раскрыты, выдавая крайнюю степень удивления.

Ад переводил взгляд с меня на Бартола и Тодла, пока, наконец, не остановился на женщине, которая, заглушая всхлипывания, хранила зловещее молчание.

— Невестка, почему Дебра там...? И почему она такая худая?

— ...

— Эй, скажи что-нибудь! Не плачь только... Черт возьми, почему моя племянница там стоит?!

— Прости... Прости меня, милый... Прости...

Последовавшее за этим требование объяснений заставило женщину разрыдаться.

Только теперь друзья Ада начали отодвигаться от остальных. Хотя им и не объяснили, что происходит, но вид этой мрачной часовни, где раздавались только рыдания, вызвал у них дурные предчувствия.

В центре витавшего в воздухе чувства неловкости и инстинктивного отвращения стоял Тодл.

Он смотрел по сторонам, и на его лице появилась пустая улыбка, когда крики Ада, наконец, стихли.

— Похоже, здесь произошло недоразумение.

— Недоразумение? Ты, ты что, не видишь, у него в руках нож! Он держит нож около ребёнка, и ты говоришь о недоразумении?!

— Все ради исцеления ангела, мы должны были доказать свою веру. Разве вы не это говорили, когда присоединились к нам?

— Тогда резал бы своих детей!

Именно в этот момент улыбка Тодла и его дружелюбный вид исчезли.

Услышав гневный крик Ада, он мгновенно сбросил маску эмоций, которую носил на лице. Когда наигранная улыбка исчезла, осталось только одно.

Что-то, от чьего пронзительного взгляда стыла кровь в жилах.

— Думаешь, я их не принес в жертву?

— Чт... что?

— Не только ангел чах с каждым часом. Люди тоже умирают. От голода, от недосыпа, от осознания бессмысленности своего существования...

— Тодл, ты...

Бартол, не выдержав, вмешался в разговор, и глаза Тодла сверкнули.

Они были неестественно яркими в полумраке часовни, освещенной лишь тусклыми факелами и несколькими догорающими свечами. Тодл перестал гладить ребенка по голове и уставился на Бартола.

— Моя жена вызвалась добровольно. ангел умирал, наш единственный сын умирал от голода. У нас не осталось скота для жертвоприношения, и тогда сын сам предложил себя.

— Тед... сам...?

— Лучше бы он не был похож на своего отца. Если бы я мог принести себя в жертву вместо него... Не нужно было учить его грамоте. Скоро он бы стал взрослым.

Его глодала всепоглощающая печаль.

Стеклянный нож в его руке был залит кровью, но не чужой, а его собственной.

Не обращая внимания на риск заражения и боли, Тодл вдруг с благоговейным видом перекрестился и выкрикнул:

— И тогда я решил заменить его! Я, тот, кто уже принес в жертву своего сына!

Искаженное благочестие заставило всех замолчать.

Даже разъяренный Ад опешил и отступил на несколько шагов. Люди были ошеломлены этим полным безумия криком и не могли вымолвить ни слова.

Дети побледнели, как полотно, а молчавшие взрослые смущенно отводили взгляды.

— ...Я должен был заменить тех, кто хотел жить.

Как только он закончил говорить, раздался знакомый звон колокола.

Дзынь.

Когда прозвучал первый удар колокола, все взгляды снова обратились к Тодлу.

Дзынь.

— Ангел... ангел одобряет это?

Люди перешептывались, не в силах поверить в происходящее, а нам тем временем дали время на размышления.

Дзынь.

Витражи, раскрашивавшие помещение разноцветными бликами, внезапно почернели. Тени

скользнули сквозь щели между досками и заплатами на стенах, жадно поглощая последние лучи света.

Только там, куда не проникал свет чёрного солнца, оставались маленькие островки света, которые, казалось, вот-вот погаснут.

Однако не все было как прежде.

Вспышка.

Это была самая настоящая вспышка света.

Все зажмурились, ослепленные ярким сиянием, пробившимся снаружи.

Прежде чем мы успели осознать, что это за знамение, свет вспыхнул еще несколько раз, отражаясь от стен. Звон металла смешался с ревом животного.

И тут в моей голове раздался встревоженный голос ангела.

=Дети гор, вас слишком мало!=

Мы и сами знали, чего не хватало.

Бартол, я, Ад и его люди — все в часовне уставились на Тодла.

Каждый — со своими эмоциями. Среди криков ужаса и обреченного смирения Тодл снова принялся гладить ребенка по голове. Дальше так продолжаться не могло.

Если сам ангел пытается его остановить, значит, дальнейшее использование божественной силы только утвердит Тодла в своей правоте.

Я уже собирался вмешаться, но тут...

— Будь храброй, дитя мое.

Стеклянный нож вонзился в плоть.

\* \* \*

— Ха... кха... ах... а-а-а!

— Дебра, тише! Черт! Кровь... кровь не останавливается.

Ад бросился к Дебре.

Что удивительно, люди не пытались нам помешать.

Они просто молча наблюдали за нами, роняя слезы.

Бартол подбежал, тяжело дыша, к Аду, который пытался помочь Дебре.

— Разорви... ей... одежду!

— Что?

— Одежду... разорви... чтобы не разошлась... рана!

— А, а-а-а! Да, да!

— После... зажми... ей... шею!

Бартол и Ад изо всех сил старались остановить кровь, хлещущую из раны на шее Дебры.

Пока они занимались ребенком, я оттолкнул Тодла. Стоя спиной к алтарю, я не спускал глаз с происходящего снаружи.

Свет продолжал вспыхивать.

Люди жмурились от ярких вспышек или закрывали глаза, не в силах смотреть на происходящее, но мы-то знали правду.

С каждой вспышкой, с каждым лязгом металла свет становился все слабее. Я мог поклясться в этом, откусив себе палец и написав клятву кровью.

Ангел проигрывает.

Только я и владелец окровавленного ножа, Тодл, сразу поняли, что происходит. Тодл смотрел на меня, потом презрительно усмехнулся, глядя на Ада и Бартола, которые отчаянно пытались спасти Дебру.

— Думаешь, эта грязная тряпка спасет ей жизнь?

— Хрип... кашель... хрип...

— Заткнись! Черт возьми, заткнись! Дебра, тише! Лежи смирно, прошу тебя!

Чем сильнее Ад сжимал девочке шею, чтобы остановить кровь, тем труднее ей было дышать.

Какая ирония.

Руки, пытавшиеся спасти ее, отнимали у нее последние секунды жизни. Ребенок бился в конвульсиях, и рыдания в часовне становились все громче.

Тодл уже собирался что-то сказать со смесью презрения, отвращения и сожаления на лице...

Вспышка.

Последняя вспышка света озарила вход в часовню.

Среди людей, зажмурившихся от яркого света или опустивших головы в горе, поднялась упавшая было фигура. Ангела, который с таким самообладанием успокаивал людей до восхода чёрного солнца, больше не было.

Его нимб не сиял надеждой, а лишь подчеркивал плачевное состояние ангела.

Он с тревогой и сочувствием посмотрел на меня потускневшими серебряными глазами.

=Вы встали у меня на пути, как я и ожидал.=

— Как ты и ожидал?

=Потому что это отвратительно.=

— Простите, ангел. Я должен был их убедить, но, похоже, нам не обойтись без силы.

=Это не твоя вина. Просто в этом бедствии все пошло не так.=

Ангел успокоил Тодла, который преклонил перед ним колени.

Только сейчас я понял, что Тодл действует не только из слепой веры. Он хотел, чтобы жертва его сына имела смысл. Его направляла не слепая вера, а безумие, вызванное всепоглощающим горем.

Именно поэтому он пытался исцелить ангела. ангел же наверняка видел насквозь извращенные мысли Тодла. И Тодл, похоже, прекрасно это понимал.

Однако он не только не возражал, но и пытался оправдать свою жертву.

— Эта девочка все равно умрет. Сколько бы вы ни останавливали кровь, она умрет от лихорадки до того, как рана заживет.

Он не обрабатывал свой стеклянный нож, чтобы девочка умерла от заражения.

— А если даже и выживет, то кровь зальет легкие. Когда смерть неизбежна, чего желает человек?

Он целился в шею, чтобы девочка медленно умерла от потери крови.

— Он хочет, чтобы его жизнь и смерть имели смысл. Это благородное желание, которое невозможно понять, пока есть надежда на спасение. Можете ругать меня, но подумайте вот о чем.

Священник и его друг действительно хотят, чтобы эта девочка мучилась до самой смерти?

— Заткнись! Черт возьми, замолчи!

— Есть смерть получше. Смерть, которая будет иметь смысл для всех... Священная жертва, которая зажжет звезду на этом черном небосводе.

...Так он заставлял людей смириться со своей участью, а затем предлагал им выбор.

Человек должен был добровольно согласиться отдать свою душу и тело ангелу. Тодл знал, что ребенка трудно убедить отказаться от жизни, поэтому он действовал именно так.

Хитро. Чудовищно хитро.

Мне хотелось только одного.

Черт.

...Черт возьми.

И тут ангел, молчавший до сих пор, вдруг перевел взгляд на детей.

=Дети, ваш страх естественен. Тот, кто жил во свете, боится тьмы, и это правильно. Но любовь

к близким сильнее страха.=

...

=Взгляните, дети, на ваших родителей и соседей, полных страха и раскаяния. Они не бросили вас. Если бы бросили, то и не надеялись бы.=

— А-а-а!

Раздались рыдания. Слова утешения и защиты ангела только усиливали чувство вины людей. Но это было нечто другое. Я был уверен, что ангел заговорил не для того, чтобы просто примирить их.

Дети, до сих пор дрожавшие от страха, робко подняли головы и посмотрели на взрослых.

— Правда?

=Они отправляют вас первыми, потому что не могут вас прокормить и не знают, сколько еще проживут сами. Они приняли это решение, проклиная себя за бессилие и обрекая себя на вечные муки совести. Не вините их. Бедняги. Они будут винить себя до самой смерти за то, что не смогли обеспечить вам будущее.=

И тут я понял, что задумал ангел.

Одна из матерей, не выдержав чувства вины, бросилась вперед.

— Нет, нет! Только не моего ребенка!

— А что ты предлагаешь? Держать своего ребенка взаперти до конца его дней под этим темным небом, где не осталось ни единой звезды?

— Но... он же будет жить!

— Жить? И что? Стать кормом для нежити?

— А-а-а...

Тодл преградил путь женщине, которая бросилась вперед.

Инстинкт самосохранения, страх перед тьмой и материнская любовь боролись друг с другом. Женщина замерла, не зная, что делать, и смотрела то на своего ребенка, то на ангела, который был единственным источником света в этом мире. И тут дети начали двигаться.

Один шаг.

Дети, прятавшиеся за моей спиной, впервые сделали шаг навстречу взрослым. Серебристый свет нимба и мягкий свет глаз ангела окутали их теплом. Ангел с нежностью протянул к ним руку и улыбнулся.

=Спасите тех, кого любите. Не оставляйте в темноте тех, кто винит себя в том, что любит вас. Если ваша любовь и мужество не иссякнут, вы станете звездами, которые помогут мне положить конец этому бедствию.=

— Ангел, прошу, не надо! Заберите лучше этого старика!

Бартол, осматривавший Дебру, вскочил на ноги, но ангел твердо ответил:

=Мы должны сделать все возможное.=

Хотя эти слова были обращены к Бартолу, мне показалось, что ангел говорит со мной.

Сделайте все возможное.

Как только я обдумал эти слова, в моей голове раздался другой голос, предупреждая меня:

[Познайте божественную силу.]

[Бог, не познавший божественной силы.]

— Хватит меня испытывать.

- Я впервые проигнорировал эти слова, которые могли бы стать для меня советом.

— Священник, возьмите это.

— Это бесполезно. Даже свиток бесполезен без божественной силы.

Я достал из кармана один из свитков, которые Бартол показывал мне раньше, и протянул его старику.

Свиток очищения. Бартол говорил, что он поможет продезинфицировать рану.

Бартол, печально качавший головой, вдруг изменился в лице.

Он взял свиток, не веря, что тот может помочь, но тут же почувствовал, как тот изменился. Как только свиток коснулся его руки, вены на ней ярко засияли.

Старый священник, всю жизнь прослуживший церкви, не мог не узнать, что это значит.

— Это... Не может быть. Но... неужели... Боже мой...

Я с усмешкой посмотрел на Бартола, который поднял на меня удивленный взгляд.

— Ты же не забыл, как им пользоваться?

<http://tl.rulate.ru/book/117280/4667303>